

DOI: 10.31857/S0130386424060108

© 2024 г. К.А. СУРИКОВ

«СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ»: ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ НА СЛУЖБЕ В АРМИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 1840–1870-х годах

Суриков Кирилл Андреевич – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Институт стран Азии и Африки МГУ (Москва, Россия).

E-mail: SurikovKA@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786427000; Researcher ID: JRH-2489-2023; ORCID: 0000-0001-8951-0055

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В статье анализируется деятельность польских офицеров, поступивших на службу в османскую армию в 1840–1870-х годах. В фокусе исследования – профессиональный и жизненный путь трех наиболее известных польских офицеров на османской службе: Михала Чайковского, Константина Боженцкого и Юзефа Бема. Источниковую базу исследования сформировали работы османских военных деятелей и историков XIX в., труды польских и французских авторов, а также материалы Архива внешней политики Российской империи, содержащие показания русских военных осведомителей. Привлечение разноплановых источников позволило рассмотреть деятельность видных польских офицеров в нескольких аспектах: вклад в развитие активно модернизируемой османской армии, жизненные траектории и проблемы идентичности. Многофакторный анализ продемонстрировал разносторонний характер деятельности польских офицеров в османской армии. Во-первых, они не изменили ход событий Крымской войны на Кавказском фронте, но в то же время смогли отличиться на Балканском фронте. Во-вторых, основной их вклад заключался в восстановлении порядка в регионах с нестабильной обстановкой, развитии военной организации и военной промышленности в различных частях Османской империи. В-третьих, для большинства из них Османское государство не стало вторым домом, по окончании службы многие офицеры покинули его, а переход в ислам являлся формальным. Османская империя использовала потенциал и знания образованных специалистов из Европы в тех сферах, где они были наиболее востребованы.

Ключевые слова: Османская империя, Польша, армия, военные специалисты, военные инструкторы, М. Чайковский, Ю. Бем, К. Боженцкий, военная история, военные реформы.

K.A. Surikov

“Friends to Foes, Foes to Friends”: Polish Officers in the Ottoman Army in 1840–1870s

Kirill Surikov, Institute of World History, Russian Academy of Science; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: SurikovKA@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786427000; Researcher ID: JRH-2489-2023; ORCID: 0000-0001-8951-0055

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the article, the author examines the activities of Polish officers serving in the Ottoman army in the middle of the 19th century. The research scrutinizes the life and career paths of three remarkable Polish officers: Michał Czajkowski, Konstanty Borzęcki, and Józef Bem. A diverse array of hitherto understudied Ottoman sources, encompassing the works of military leaders and historians, the writings of Polish and French authors, and the annotations of Russian military officials, affords the opportunity to examine the activities of the prominent Polish officers from multiple vantage points. These include their role in the modernisation of the Ottoman military, their personal lives, and the issue of cultural identity. A multifaceted analysis demonstrates the complexity and variety of roles played by the Polish officers in the Ottoman army. Firstly, although they did not significantly alter the course of events on the Caucasus front of the Crimean War, they had a significant impact on the warfare of the Balkan front. Secondly, their principal contribution was to pacify the unstable Ottoman regions and further modernise the military and industrial institutions located in different parts of the Ottoman Empire. Thirdly, the Ottoman state did not become a second home for the majority of the Polish officers. Their conversion to Islam was mostly symbolic, and following the completion of their obligations, a considerable proportion of the émigré officers returned to Europe. The Ottoman Empire was able to capitalise on the influx of educated European specialists, utilising their expertise and knowledge to its advantage.

Keywords: Ottoman Empire, Poland, army, military specialists, military instructors, Michał Czajkowski, Józef Bem, Konstanty Borzęcki, military history, military reforms.

Начало XIX в. стало поворотным моментом в истории вооруженных сил Османской империи. Уничтожение янычарского корпуса в 1826 г. и последующее расформирование оставшихся подразделений традиционных османских войск капыкулу ознаменовали начало переустройства армии по современным на тот момент европейским стандартам. Масштабные преобразования подразумевали не только создание совершенно иной армейской организационной структуры, появление новых административных органов и внедрение передовых технологий, но также формирование обновленного офицерского корпуса, в основу которого должно было быть положено качественное европейское образование и широкие познания в сфере современной западной военной науки. При этом на начальных этапах военных реформ их инициатор султан Махмуд II (1808–1839) стремился модернизировать вооруженные силы, не прибегая к помощи иностранных инструкторов. Он был против того, чтобы европейцы занимали какие-либо должности в османской армии, и был убежден в возможности осуществления преобразований с опорой на предыдущий опыт модернизации при султанах Селиме III (1789–1807)¹.

Однако невозможность внедрения передовой западной военной науки без европейских инструкторов, равно как и формирование подготовленного офицерского корпуса при сохранении старого порядка назначения офицеров из числа рядовых, стала очевидной в ходе неудачной для Османской империи русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и османо-египетского конфликта 1831–1833 гг.² Эти события побудили Махмуда II пересмотреть свои взгляды: он поддержал проект создания военной академии, предложенный Намык-пашой, османским послом в Лондоне, которого вдохновил на это французский маршал Н.Ж. Мезон³. Академия начала свою деятельность в 1834 г., к работе были привлечены и иностранные специалисты. Тогда же ряд османских офицеров отправили в Европу на обучение⁴.

¹ Esad M. Üss-ü Zafer. İstanbul, 1293 (1876). S. 64.

² Levy A. The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // International Journal of Middle East Studies. 1971. Vol. 2. № 1. P. 28.

³ Çoban A.H. Ahmet Cevat Paşa'nın Târih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbi') adlı Eserinin Transkripsiyonlu Metni (Yüksek Lisans Tezi). Afyonkarahisar, 2009. S. 72.

⁴ Esad M. Mirât-i Mekteb-i Harbiyye. İstanbul, 1310 (1893). S. 20.

Султан Абдулмеджид I (1839–1861), видевший пользу для вооруженных сил в наличии западных офицеров, расширил их штат⁵.

Османские военные реформы подразумевали не только переход на современные европейские стандарты устройства армии, но и значительное увеличение численности войск. В свою очередь, новые формирования нуждались в инструкторах и командирах, получивших западное военное образование и способных обучать рядовых, а таких специалистов имелось крайне мало. С проблемой критической нехватки квалифицированных офицерских кадров обновленная османская армия пыталась справиться вплоть до конца существования империи. К 1876 г. в регулярных и резервных войсках не хватало более 3 тыс. офицеров⁶, при этом имевшиеся военные учебные заведения редко выпускали больше 100 человек в год⁷.

Правительство было вынуждено изменить свою позицию в отношении деятельности иностранцев как в вооруженных силах, так и в государстве в целом. Каждый образованный европейский специалист мог быть инкорпорирован, например, в различные государственные, в том числе военные структуры империи и впоследствии передать свои навыки местным кадрам. Это способствовало дальнейшей реализации преобразований в рамках реформ Танзимата.

Этот подход ярко проявился после подавления австрийскими и русскими войсками Венгерской революции 1848–1849 гг. Мятая армия насчитывала до 200 тыс. человек⁸, в ней состояли и поляки, участвовавшие в восстании в Польше в 1830–1831 гг. Спасаясь от преследования, бывшие повстанцы бежали к туркам. Активная эмиграция участников восстания началась летом 1849 г., к 27 июня на османской территории находилось 1120 человек, из которых 36 являлись офицерами, остальные унтер-офицерами и рядовыми. К октябрю 1849 г. их численность достигла 5500 человек: венгры, поляки, итальянские и австрийские подданные⁹.

Ситуация, возникшая вокруг большого количества беженцев и попыток России и Австрии добиться выдачи мятежников, вошла в историю османской дипломатии как «проблема беженцев» (османский: *یس علیسم رل حتم* / турецкий: *mülteciler meselesi*)¹⁰. Среди европейских эмигрантов было значительное число военнослужащих различных рангов, но имелись и картографы, математики, преподаватели, инженеры, художники, врачи. Для страны, где проводились реформы по модернизации и чувствовалась нехватка такого рода специалистов, эти «беженцы» представляли крайне ценный ресурс. Поэтому решено было не выдавать их, несмотря на оказываемое давление. Более того, участникам восстания и их семьям был предоставлен свободный выезд в желаемые страны либо же, приняв османское подданство, возможность служить в различных государственных структурах¹¹. Особое внимание, безусловно, уделялось военной службе. Именно в этой области кадровый голод ощущался сильнее всего.

Деятельность польских офицеров на благо Османской империи в западной историографии исследована достаточно фрагментарно¹², отечественные работы по данной тематике практически отсутствуют. В результате без должного внимания остался ряд вопросов,

⁵ *Tunalı A. C.* Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839–1876): Doktora tezi. Ankara; 2003. S. 142.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 72.

⁷ *Esad M.* Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 226–569.

⁸ Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность (сост. князь Щербатов). Т. 6 (1848–1849 гг.). СПб., 1899. С. 76.

⁹ *Bayraktar B.* Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2019. Т. XIX (39). S. 769.

¹⁰ *Refik A.* Türkiye'de mülteciler meselesi. İstanbul, 1926. S. 6.

¹¹ *Ortaylı İ.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul, 2008. S. 279.

¹² См., например: *Levy A.* Op. cit. P. 21–39; *Ortaylı İ.* Op. cit.; *Uyar M., Erickson E. J.* A Military History of the Ottomans. Santa-Barbara, 2009. P. 160.

касающихся вклада офицеров-эмигрантов в развитие османской военной машины, их боевого пути и дальнейших судеб, степени интегрированности в государственную систему, а также проблем сохранения прежней национально-культурной идентичности. При этом стоит отметить трудности, возникающие при подсчете общей численности беженцев и их этнического соотношения. Приведенная цифра в 5500 человек не может считаться окончательной, поскольку эмигранты прибывали в Османскую империю в течение нескольких лет после разгрома восстания. При этом деятельность польских офицеров в османской армии освещена детальнее, чем венгерских¹³. По этой причине целесообразно опираться на данные о службе в османской армии наиболее известных польских эмигрантов, к примеру М. Чайковского, К. Боженцкого, Ю. Бема — именно об их деятельности сохранилась подробная информация.

Михал Чайковский родился в Волынской губернии Российской империи, воинскую службу начал в Волынском кавалерийском полку. Уже будучи в чине лейтенанта, примкнул к Польскому восстанию 1830—1831 гг. Он сформировал казачий полк под собственным командованием и вел боевые действия против русской армии. После подавления восстания бежал во Францию, где в 1838 г. присоединился к лидеру консервативного крыла польской эмиграции Адаму Ежи Чарторыйскому. В 1841 г. по его поручению Чайковский прибыл в Стамбул, где спустя четыре года открылось отделение польской эмиграции, целью которого было ведение антирусской деятельности на Балканах¹⁴.

После разгрома Венгерской революции Чайковский стал оказывать помощь и покровительство его участникам, бежавшим в Турцию, что вызвало крайнее недовольство российской стороны, прикладывавшей много усилий, чтобы добиться его выдачи. Единственным выходом в этой ситуации был переход в османское подданство, что и было предложено Чайковскому в ходе аудиенции у султана¹⁵, что подразумевало принятие ислама. 27 декабря 1849 г. М. Чайковский официально стал мусульманином, приняв имя Мехмеда Садыка¹⁶. Несмотря на противоречивость такого шага, польские исследователи настаивают, что для Чайковского это ничего не меняло: смена религии не означала смены национальности. Напротив, этот шаг был сделан исключительно из практических соображений и дал ему новые возможности служить польским интересам, следовательно, его поступок не следует трактовать как проявление предательства и отступничества¹⁷.

На военной службе Чайковский предложил султану сформировать казачьи полки под своим командованием, действуя в интересах польской эмиграции, лидеры которой желали иметь собственные воинские формирования¹⁸. Их создание обсуждалось уже в 1840-х годах, польские генералы собирались включить в них казаков, проживавших в Османской империи и юго-западных регионах России¹⁹. Изначально планировалось организовать их на территории османского государства: славянские подразделения под польскими знаменами и под командованием польских военачальников²⁰. Они должны были действовать не как боевая единица в структуре османских вооруженных сил, а как отдельная армия — союзник османов в войне с Российской империей. Султан предсказуемо ответил отказом на

¹³ См.: *Bayrakdar B.* Op. cit. S. 759—778. *Alloul H.* “Me among the Turks?": Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // *European Review of History: Revue européenne d'histoire.* 2020. № 27 (1—2). P. 88—110.

¹⁴ *Rawita-Gawroński F.* Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // *Życiorysy sławnych polaków.* № 14. Petersburg, 1901. S. 37.

¹⁵ *Ibid.* С. 44—45.

¹⁶ *Refik A.* Op. cit. S. 152.

¹⁷ *Rawita-Gawroński F.* Op. cit. S. 45.

¹⁸ *Dopierała K.* Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // *Studia Historyczne.* 1997. № 5. S. 58.

¹⁹ *Karbownik K.* Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853—1856 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy.* 2012. № 13 (64). S. 216.

²⁰ *Skatuba P.* Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysokiego w latach 1853—1855 // *Bezpieczeństwo.* 2010. № 3—4. S. 213.

такое предложение, поскольку речь шла о создании в его государстве неподконтрольного ему войска, к тому же из его подданных²¹.

Однако ситуация изменилась, когда вспыхнула Крымская война 1853–1856 гг. В октябре 1853 г. Чайковский представил Высокой Порте новый проект полка, который состоял бы из османских казаков, проживавших на севере Добруджи, и славянских подданных султана. На этот раз полк был представлен не как автономная боевая единица, а как полноценное подразделение в составе османских регулярных войск. Падишах одобрил этот проект и присвоил Чайковскому генеральское звание (после чего он стал именоваться Садык-паша) и дал ему официальное поручение по формированию Полка султанских казаков (осм. *كازاکلار ۋاھاب ۋاھاب ۋاھاب ۋاھاب* / тур. *Kazak süvari alayı*)²², вверив ему также командование им.

Примечательно, что накануне войны, после занятия русской армией Молдавии и Валахии, османские власти обращались к Адаму Чарторыйскому с просьбой отправить к ним четырех польских офицеров. Генералу В. Хжановскому была предложена должность командира дивизии на Кавказе, полковникам Л. Быстжоновскому, В. Замойскому и К. Рожыцкому – позиции бригадных генералов. Быстжоновский и Замойский должны были служить в штабе, Рожыцкому предлагалось принять командование над османским авангардом на Дунае²³. Чарторыйский затягивал с ответом, при этом намекал, что польские генералы с большей охотой служили бы в полку, целиком состоявшем из поляков. Сами офицеры также не испытывали желания служить в османской армии без создания в ней отдельных польских формирований. В результате в Османскую империю отправились только Л. Быстжоновский, принявший имя Арслан-паши, и Ф.К. Бреаньский, известный как Шахин-паша. Османы, вопреки инициальным предложениям, обоих офицеров отправили на Кавказ, откуда они вскоре были отозваны, так и не сыграв какой-либо значимой роли ни в улучшении состояния османской армии, ни в ходе конфликта. Полк султанских казаков был сформирован во многом из-за нежелания Чарторыйского отправлять офицеров в османскую армию²⁴.

Осенью 1853 г. открылись пункты набора добровольцев в казачий полк в Эдирне и Стамбуле. Сперва в полк вступило несколько десятков польских офицеров и унтер-офицеров, оставшихся в Османской империи, небольшое количество дезертиров из русской армии, а также казаки-некрасовцы. С течением времени число поляков в полку увеличилось, они заняли практически все офицерские и унтер-офицерские должности. Примерно треть рядового состава также состояла из поляков. Кроме них и казаков-некрасовцев, в полку состояли болгары, румыны, итальянцы, русские, литовцы и евреи. До службы в полку допускались в том числе заключенные²⁵.

Спустя два месяца после официального создания Полк султанских казаков насчитывал 200 человек, еще 100 ожидали укомплектования в Эдирне. По его завершении весь личный состав принес присягу султану. Командиром первого эскадрона и всего полка числился Садык-паша, второго – М. Хильми-бей (до принятия ислама Люборадски), третьего – Мурад-бей (Т. Вежицки). В Шумне, где находилась ставка командующего османскими войсками на Балканах, Чайковский получил приказ создать в полку дополнительные подразделения. После этого формирование было дополнено еще сотней человек, также при нем появился иррегулярный отряд, состоявший из кубанских казаков. К февралю 1854 г. Полк султанских казаков насчитывал 600 человек, к августу 1855 г. – 800²⁶.

Полк был причислен к регулярным частям Третьей (Румелийской) армии. При этом численность подразделения была несколько меньше штатной численности регулярного

²¹ Zlatanov A. Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2019. T. LIII (2). S. 115.

²² Şevket M. Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. İstanbul, 1325 (1909). S. 14.

²³ Karbownik K. Op. cit. S. 217.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. S. 219.

²⁶ Ibid. P. 219–220.

кавалерийского полка, составлявшей 968 человек вместе с рядовыми и офицерами²⁷. Примечательно, что внутри нового полка были созданы типы кавалерийских эскадронов, которых не существовало в остальной османской армии, в частности уланы и драгуны²⁸. В регулярных войсках Османской империи разделение на драгунов и гусаров появилось лишь в 1863 г. В области применения современной европейской организации военных подразделений Полк султанских казаков, безусловно, находился в авангарде модернизированной армии.

Данное формирование успело принять участие в боевых действиях на Балканском фронте в рамках Крымской войны. Летом 1854 г. полк был передислоцирован на территорию Болгарии, где выполнял роль вспомогательных войск. Позже Чайковский был назначен командиром большого кавалерийского корпуса в 4 тыс. всадников, в который были включены султанские казаки. Этот корпус участвовал в обороне Силистрии, осаждаемой русскими войсками. Эскадрон капитана Вежбицкого отличился при обороне Калафата. После снятия русской армией осады Силистрии Абдулмеджид I оценил воинские и организаторские таланты Чайковского, последний получил похвалу султана и разрешение создать новое подразделение под своим началом — Второй полк султанских казаков. Предполагалось сформировать его практически полностью из поляков, поставив во главе старшего сына и адъютанта А.Е. Чарторыйского князя В. Чарторыйского. В августе 1854 г. Чайковский в составе войска Омер-паши вошел в Бухарест, где ему были переданы административные полномочия: казачий полк должен был охранять порядок. Чайковскому удалось пресечь грабежи, сдержать вспышку холеры, не позволив ей перерасти в эпидемию. В сентябре, после передачи Бухареста австрийским войскам, полк передислоцировался в Браилов, где ожидал дальнейших приказов. За успешную службу Чайковский был награжден орденом Меджидийе третьей степени²⁹.

Однако вскоре удача отвернулась от генерала. Ему не удалось завоевать расположение Омер-паши. Кроме того, польская эмиграция, среди деятелей которой возник раскол, предпринимала попытки ограничить его власть над польскими воинскими формированиями в османской армии. В результате право создания Второго полка султанских казаков перешло к графу Замойскому. Оставаясь формальным командиром обоих полков, Чайковский фактически не имел власти над вторым формированием. После вступления в войну Австрии Чайковского лишили должности командующего балканским авангардом и вместе с полком перевели на реку Сирет, находившуюся вдали от основных боевых действий.

Второй полк султанских казаков полностью финансировался британским правительством (османы предлагали британцам обеспечивать также и первый полк, но те отказались). Набирать полк планировалось из дезертиров и военнопленных, но с этим возникли проблемы, поскольку британцы обменивали большинство пленников из русской армии на своих солдат. К февралю 1855 г. в нем числилось только 180 человек, до конца его укомплектовать так и не удалось. В октябре 1855 г. второй полк был распущен³⁰.

Последней операцией, в которой формирование приняло участие, стала оборона Тулчи и помощь при последующем выводе османских континентов из города. После этого полк был передислоцирован в Добруджу, затем в Бургас. Чайковскому в Стамбуле объявили о переброске его сил на Кавказский фронт. Это вызвало недовольство у большей части военнослужащих подразделения, начались протесты, резко участились случаи дезертирства. Чайковскому удалось отсрочить переброску на Кавказ, до лета 1856 г. подразделение находилось в Сливене и Шумне, где были распущены его иррегулярные части. В это время Замойский, отбывший в Лондон, пытался добиться от британского правительства согласия на создание и финансирование на территории Османской империи Польской дивизии султанских казаков. Она должна была насчитывать около 4 тыс. человек, объединить все

²⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 54.

²⁸ *Gümüş M. Mehmed Sadık Paşa (Michał Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvarî alayı // Turkish Studies. 2010. Vol. 5 (3). S. 1369.*

²⁹ *Karbownik K. Op. cit. S. 221.*

³⁰ *Ibid. P. 226.*

польские части в османской армии (включая полк Чайковского) и стать силой, которую можно было бы использовать против русской армии. Сперва британцы поддержали проект, однако с началом переговоров о мире утратили к нему интерес. Формально дивизия просуществовала до 31 июля 1856 г., после чего была распущена. На момент расформирования она насчитывала около 1500 человек³¹.

Османь не согласились включить в состав своей армии крупное подразделение, целиком состоявшее из иностранцев. Это означало конец мечты поляков-эмигрантов о создании в Османской империи своей армии, способной в дальнейшем освободить Польшу. Польским военным служащим, не желавшим продолжить службу, было предоставлено право беспрепятственного выезда в Европу. Однако стоит отметить, что им воспользовались не все. Полк Чайковского отныне существовал лишь на бумаге, он был разбит на более мелкие формирования, впоследствии рассеянные по всей территории империи.

Полк султанских казаков не только участвовал в военных походах, но и нес пограничную службу, боролся с вооруженными бандами и восстаниями. После Крымской войны польские эскадроны охраняли границу с Грецией, уничтожали банды в окрестностях Эдирне, дислоцировались в Манастире, подавляли сербские выступления в Нови-Пазаре и несли службу в Ливане. В совокупности польские контингенты находились в составе Первой (Стамбульской), Второй (Шуменской), Третьей (Румелийской), Четвертой (Анатолийской) и Пятой (Арабской) армий Османской империи³². Примечательно, что польская историография практически игнорирует наличие польских драгун в составе Пятой армии. На этот факт обратили внимание турецкие исследователи, при этом их данные подтверждаются российскими архивными материалами, согласно которым в сентябре 1872 г. в Бейруте находилось 350 польских драгун, что составляло около трети всех кавалерийских контингентов в городе³³.

Проведя на службе в османской армии более 20 лет, дослужившись до звания генерала и получив титул бейлербея Румелии, Чайковский вышел в отставку в 1869 г. Перед этим он получил прощение от императора Александра II и уехал в Киев. Его политические амбиции остались нереализованными, а душевное здоровье подорвала смерть жены. В результате 18 января 1886 г. Чайковский покончил жизнь самоубийством³⁴.

После выхода Чайковского в отставку польские контингенты в османской армии окончательно утратили самостоятельный статус и были перемешаны с подразделениями Третьей армии. Его сын В. Чайковский, известный как Музаффер-паша, остался в Османской империи, впоследствии успешно нес государственную службу, в 1901–1907 гг. занимал должность мутасаррыфа (губернатора) Ливана³⁵.

Константин Боженцкий как участник Венгерской революции после ее разгрома решил эмигрировать в Османскую империю, где в 1849 г. принял ислам и получил имя Мустафа Джелиледдин³⁶.

Он изъявил желание поступить на военную службу, но не имел специального военного образования. Его проэкзаменовали французские офицеры, преподававшие в Военной академии Османской империи. Боженцкий выдержал испытание, и, поскольку имел художественное образование, был зачислен в османские вооруженные силы в звании капитана по специальности военный картограф³⁷.

³¹ Ibid. S. 231.

³² *Gümüş M.* Op. cit. S. 1369.

³³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 21.

³⁴ *Chudzikowska J.* Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // *Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach.* 1980. № 11. S. 212.

³⁵ *Gümüş M.* Op. cit. S. 1370.

³⁶ *Çavdar N., Budak B.* Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzecki) (1826–1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. TTK Yayınları. 2022. C. VIII (35). S. 378.

³⁷ *Kaim A.A.* Konstanty Borzecki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // *Studia Migracyjne Przegląd Polonijny.* 2020. № 2 (176). S. 285.

О начале военной карьеры Боженцкого имеются противоречивые сведения. Часть исследователей считает, что к своим обязанностям он приступил в Диярбакыре³⁸, другие же отмечают, что службу он начал в 1851 г. в гарнизоне Катура под руководством мюшира Решид-паши³⁹. Боженцкий тщательно изучал привезенную с собой европейскую специальную литературу по военному и инженерному делу. Совместно с полковником Абди-беом он разработал систему оборонительных сооружений у Катура. После завершения проекта Абди-бея вызвали в Стамбул, где присвоили звание паши, а тот, в свою очередь, не оставаясь в долгу перед Боженцким и помог ему получить в 1852 г. должность в османском генеральном штабе⁴⁰. В дальнейшем Боженцкий служил в составе османских подразделений, которые подавляли восстание в 1852 г. на территории Черногории, принимали участие в Крымской войне, в разгроме выступлений в Багдаде в 1857 г., в Черногории в 1861 г., на Крите в 1867 г., в Герцеговине в 1875 г. и вновь в Черногории в 1876 г.⁴¹

Военная карьера Боженцкого прервалась, когда он в 1870 г. вышел в отставку по собственному желанию, тому, по мнению историков, несколько причин, главная же — конфликт с сераскером Х. Авни-пашой. Последний соперничал с сердаром Омер-пашой, покровительствовавшим Боженцкому⁴². Сераскер был возмущен его статьями на политические темы в газете «Басирет» и иностранной газете «Восточный курьер»⁴³. Авни-паша направил обращение к султану, в котором обвинял поляка в антигосударственной деятельности⁴⁴. По другой версии, на отставку Боженцкого повлияла позиция российского посла Н.П. Игнатьева, стремившегося лишить польских эмигрантов влияния в османских государственных структурах⁴⁵. Тогда же Боженцкий перенес большое горе — от дифтерии умер его маленький сын Али Сейфи⁴⁶. По всей видимости, все же интриги Авни-паши стали главным фактором, вынудившим Боженцкого уйти в отставку.

Ситуация вновь кардинально поменялась после того, как Недим-паша, другой конкурент Авни-паши, получил должность великого везира. 9 сентября 1871 г. он, уволив Авни-пашу, отправил его в ссылку в Ыспарту. Боженцкий был восстановлен в должности и направлен в Генеральный штаб в Стамбуле⁴⁷. Он также начал преподавать картографию в Военной академии и возглавил картографический отдел в военном министерстве⁴⁸. После возвращения он еще дважды направлялся в нестабильные регионы империи. Его командировка в Черногорию, целью которой было подавление волнений, оказалась для него последней. К. Боженцкий был убит в бою с черногорскими повстанцами в 1876 г.⁴⁹ Его сын Э. Джелаледдин, как и сын Чайковского, остался в Османской империи на государственной службе. Он занимался писательской деятельностью, в том числе составил биографию своего отца⁵⁰.

Наиболее известной частью наследия Боженцкого стала его работа «Древние и современные турки», опубликованная на французском языке в Стамбуле в 1869 г. В ней Боженцкий предпринял попытку описать тюркскую и османскую историю, устройство империи, ее армию, проводимые реформы, административную организацию и взаимодействие с народами других конфессий. При этом на турецкий язык эта работа была переведена только в 2014 г.⁵¹ Современные турецкие авторы отмечают, что работу Боженцкого внимательно

³⁸ Ibidem.

³⁹ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 379.

⁴⁰ Ibid. S. 380.

⁴¹ Adrović A. Mustafa Dželalettin Paşa // MATICA Časopis Matice crnogorske. 2018. № 73. S. 123.

⁴² Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 381.

⁴³ Ibid. S. 385.

⁴⁴ Kaim A.A. Op. cit. S. 287.

⁴⁵ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 382.

⁴⁶ Adrović A. Op. cit. S. 127.

⁴⁷ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 383.

⁴⁸ Kaim A.A. Op. cit. S. 285.

⁴⁹ Adrović A. Op. cit. S. 133.

⁵⁰ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 381.

⁵¹ Celâlettin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / franciscadan çeviri ve açıklamalar G. Beker. İstanbul, 2014. S. 10.

проанализировал М.К. Ататюрк в процессе формирования «Турецкого исторического тезиса», взяв на заметку ряд утверждений⁵². К примеру, Боженцкий считал, что турки были родственны этрускам, а это можно было использовать для обоснования автохтонности турецкого населения на территории Малой Азии⁵³. Однако крупные польские исследователи признают политические и идеологические мотивы Боженцкого при написании работы. Возвышая тюрков, защищая тезис об их родстве с европейскими народами и приписывая им арийское происхождение, Боженцкий, как большинство польских эмигрантов, стремился дискредитировать Российскую империю и населявшие ее народы в глазах западного общества, полностью вынеся их за рамки европейской истории⁵⁴. Это существенно снизило научную ценность работы Боженцкого, однако следует признать ее влияние на историко-идеологическую позицию основателя современной Турции.

В целом Боженцкому удалось выстроить весьма успешную военную карьеру. На момент гибели он находился в звании ферика, что соответствовало генерал-лейтенанту в европейских армиях⁵⁵. Примечательно, что на службу Боженцкий был принят сразу на офицерскую должность, не имея военных знаний. То, что эмигрант без специального образования смог подняться столь высоко, говорит, сколь существенной была нехватка квалифицированных кадров в османских войсках. Следует также отметить, что Боженцкий не состоял в Полку султанских казаков, а действовал самостоятельно, несмотря на отсутствие знаний турецкого и османского языков. Однако необходимо признать, что писательская деятельность Боженцкого оставила бóльший след в истории, чем его военная карьера.

Юзеф Бем участвовал не только в Польском восстании в 1830–1831 гг., он являлся одним из лидеров Венгерской революции 1848–1849 гг. и командовал мятежной армией в Трансильвании. После эмиграции в Османскую империю в 1849 г. Бем одним из первых принял ислам. Этот шаг возмутил многих эмигрантов, исповедовавших христианство, привел к конфликту Бема с бывшим революционным правителем Венгрии Л. Кошутом, при этом В. Замоийский пытался отговорить его от смены религии, но безуспешно⁵⁶.

Главной причиной, почему эмигранты решались принять ислам, было опасение, что Россия могла добиться выдачи участников венгерского и польского восстаний. Согласно второй статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного между Россией и Турцией 10 июля 1774 г., лица, совершившие преступление в одной из империй и попытавшиеся укрыться в другой, подлежали немедленной выдаче. Однако данное правило не распространялось на тех, кто, перебежав в Россию, принимал христианство, и тех, кто, укрывшись в Османской империи, переходил в ислам⁵⁷. Чтобы власти не выдали его России, Бем принял ислам, получив имя Мурад⁵⁸. Наконец, Бем понимал, чтобы противостоять России, следовало добиться влияния в османской армии.

К 25 ноября 1849 г. была достигнута договоренность между османскими, российскими и австрийскими властями, в соответствии с которой Австрийская и Российская империи отказывались от требований по выдаче участников восстания. Однако по настоянию России главные деятели из числа повстанцев должны были быть направлены в отдаленные

⁵² Шлык П. В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. № 12 (98). С. 4.

⁵³ Там же. С. 33.

⁵⁴ *Kotodziejczyk D.* Whose Nation? Mustafa Djelaledin between Ottomanism and Turkism // *The Crimean War, 1853–1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals* / ed. J. Borejsza. Warszawa, 2007. S. 117.

⁵⁵ *Adrović A.* Op. cit. S. 132.

⁵⁶ *Gölen Z.* Jozef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // *Türkiye-Polonya ilişkilerinde "temas alanları" 1414–2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı*. 2017. T. VIII (20). S. 163.

⁵⁷ Под стягом России. Сб. архивных документов / сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М., 1992. С. 80.

⁵⁸ *Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku*. T. VII / pod red. J. Piłatowicza. Warszawa, 2001. S. 23.

регионы Османской империи. По этой причине также эмигрировавший в Османскую империю Кошут был отправлен в Кютахью, а Бем — в Алеппо⁵⁹.

К моменту его прибытия в город начались волнения арабских племен, настроенных против нововведений в рамках Танзимата. Местные жители выступали против новых налогов, переписи населения, новой системы призыва в армию, уравнивания мусульман в правах с христианами⁶⁰. Участились нападения на османских военных и христианское население. Бем, будучи генералом с боевым опытом, предложил свою помощь в подавлении восстания и в звании генерал-лейтенанта принял командование гарнизоном Алеппо, насчитывавшим около 10 тыс. человек. С частью бойцов он взял под охрану христианские кварталы и иностранные консульства, а затем внезапной атакой основной частью войска обезвредил вооруженные группировки мятежников⁶¹.

Однако на этом беспорядки не закончились. В октябре 1850 г. из-за задержки выплат жалования значительная часть солдат гарнизона Алеппо дезертировала, чем вновь решили воспользоваться арабские племена, блокировав город и, по сути, взяв его в осаду. В этих обстоятельствах османские власти напрямую обратились к Бему с просьбой оказать помощь в подавлении мятежа. Грамотные оборонительные действия польского генерала позволили снять блокаду Алеппо и разгромить силы бедуинов⁶².

Восстание в Алеппо стало единственной боевой операцией, в которой Бем поучаствовал в составе османской армии. Как артиллерист и военный инженер, он в большей степени интересовался модернизацией османских воинских подразделений и организацией военного производства в регионе⁶³. С начала 1850 г. он работал над планами строительства арсенала и военной фабрики в районе Алеппо, где предполагалось обрабатывать железную руду и производить селитру — важнейший компонент пороха. Свои проекты он отослал в Стамбул, где их высоко оценили⁶⁴. С лета 1850 г. Бем приступил к их реализации, получив из государственного бюджета около 50 тыс. лир, ему в помощь откомандировали нескольких офицеров из числа польских беженцев⁶⁵. Некоторые польские исследователи ошибочно писали, что в Алеппо Бем организовал производство пороха. В рассматриваемый период власти решили централизовать его изготовление, и большая часть провинциальных фабрик была закрыта. В регионах производились лишь компоненты пороха⁶⁶. Первые пробные партии селитры Бем отослал в Стамбул, где отметили ее высокое качество.

Бем также создал ряд инженерных проектов, например спроектировал облегченное и более подвижное артиллерийское орудие, которое можно было перевозить на верблюдах. Кроме этого, он предложил проект цепи крепостей по течению Тигра и Евфрата, что могло существенно усилить местную оборону. Занимался он в том числе и формированием пограничных подразделений, которые должны были препятствовать проникновению в регион кочевых арабских племен. Стремясь помочь другим польским и венгерским эмигрантам, пытался добиться от властей разрешения на службу иностранных офицеров в сирийских полках (впрочем, безуспешно). Бем поддерживал связь с великим везиром Коджа Мустафой Решид-пашой. В письмах везиру он отмечал высокий уровень выучки и оснащенности местных войск и надеялся получить перевод в Стамбул для подготовки к возможной войне с Россией. Впрочем, судьба распорядилась иначе: в течение нескольких месяцев он болел лихорадкой, поначалу не воспринимая ее всерьез. Однако болезнь развивалась, и, несмотря на усилия врачей, Ю. Бем скончался 10 декабря 1850 г.⁶⁷

⁵⁹ *Gölen Z. Op. cit. S. 166.*

⁶⁰ *Engelhardt É. La Turquie et le Tanzimat. Paris, 1882. P. 4.*

⁶¹ *Gölen Z. Op. cit. S. 168.*

⁶² *Ibid. S. 169.*

⁶³ *Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII. S. 21.*

⁶⁴ *Gölen Z. Op. cit. S. 170.*

⁶⁵ *Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII. S. 23.*

⁶⁶ *Gölen Z. Op. cit. S. 170.*

⁶⁷ *Ibid. S. 171–172.*

За год пребывания в Алеппо Бем многое успел. Под его руководством османские силы нанесли поражение арабским мятежникам и восстановили порядок в Алеппо. Ему удалось наладить более современное военное производство необходимых для изготовления пороха компонентов. Он разработал значимые проекты в области военной инженерии, фортификационных сооружений и модернизации вооружения османской армии. Однако продолжить борьбу с Россией, на что он рассчитывал, отправляясь в Османскую империю, ему так и не удалось.

* * *

Пытаясь создать национальные формирования в рядах османской армии, польская эмиграция стремилась обрести собственную военную силу и впоследствии использовать ее для завоевания независимой Польши. Иными словами, значительная часть польских офицеров, поступивших на службу, видела в ней способ достижения собственных целей, в долгосрочной перспективе не связанных с Османской империей. В этом аспекте эмиграции так и не удалось преодолеть конфликт интересов, возникавший в отношениях с Портой. Государство позволяло действовать польским организациям и воинским формированиям на своей территории лишь до тех пор, пока их деятельность не противоречила его собственным интересам⁶⁸.

Принимая иностранцев на государственную службу, османы стремились использовать их опыт и знания для модернизации империи. Основной областью приложения навыков европейских специалистов, безусловно, стали вооруженные силы. Большая по численности армия, нуждавшаяся в обучении и обновлении, и крайне скромные объемы выпуска собственных образованных офицеров вынудили государство предоставить широкий спектр возможностей европейским эмигрантам, заступавшим на службу. Они действительно пользовались весьма высокой степенью свободы: могли получить офицерское звание, не имея военного образования, как Боженцкий, имели право создавать свои собственные формирования, как Чайковский, в кратчайшие сроки могли занимать высшие командные должности, как Бем. Высшие посты в османской армии были для них открыты, они обеспечивались жалованием и пенсией наравне с турецкими генералами. Более того, даже переход в ислам для дальнейшей службы не являлся необходимым условием. Это подтверждает пример бельгийца Шарля де Шварценберга, дослужившегося в османской армии до звания генерала и так и не принявшего ислам⁶⁹.

Османская империя относилась к эмигрантам на службе так же, как и к остальным своим подданным. Однако это подразумевало не только права, но и обязанности, в результате чего для многих иностранцев условия службы оказались не такими, как они себе представляли. Это наглядно показывают протесты и начавшееся дезертирство среди военнотрудовых Полка султанских казаков, узнавших о готовящейся переброске их части на Кавказский фронт Крымской войны, а также стремление Бема поскорее вернуться в Стамбул из Алеппо. Османы стремились использовать европейских офицеров для модернизации собственной армии, а это означало в том числе возможность их отправки на самые опасные и проблемные участки фронта, либо в регионы, где высока была угроза антиосманских восстаний. Значительная часть польских офицеров в Крымскую войну была задействована не только на Балканском, но и на Кавказском фронте, где русская армия теснила османские войска. Быстжоновский и Бреаньский участвовали в том числе и в обороне Карса совместно с британскими и французскими офицерами⁷⁰.

Несмотря на то что османам не удалось коренным образом изменить ситуацию на Кавказском фронте в ходе Крымской войны, их вклад на Балканском фронте оказался более

⁶⁸ *Urbanik A.A., Baylen J.O.* Polish exiles and the Turkish Empire, 1830–1876 // *The Polish Review*. 1981. Vol. 26 (3). P. 52.

⁶⁹ *Alloul H.* Op. cit. P. 95.

⁷⁰ *Chudzio H.* Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // *Studia z historii społeczno-gospodarczej*. 2011. T. 9. S. 169.

ощутимым. Польские офицеры проявили себя и в ходе дальнейшей службы при подавлении большого количества антиосманских восстаний, также преимущественно на Балканах. В этой связи особенно выделяется боевой путь Боженцкого. Поляки-эмигранты много сделали для военной организации турецкой армии, этот аспект можно считать наиболее ценным. Полк Чайковского стал самым современным кавалерийским подразделением в османской армии, предприимчивость Бема, по сути, сформировала новый, модернизированный центр военного производства. Боженцкий смог передать свои навыки военного картографа, преподавая в военной академии. В целом же, османские власти сумели распределить офицеров-эмигрантов по различным регионам империи, и в некоторых из них они сумели изменить обстановку в лучшую сторону.

Наконец, следует сказать, что для значительной части польского офицерства Османская империя не стала полноценной второй родиной. Многие приняли ислам исключительно из чисто карьерных соображений, чтобы избежать выдачи России, либо ограничений по службе. Этот шаг, как и принятие нового имени, для них в большинстве случаев означал простую формальность, хотя некоторые эмигранты наотрез отказывались менять веру и считали тех, кто поступал иначе, ренегатами⁷¹. Такие офицеры добросовестно исполняли свои обязанности в период активной службы, однако большинство из них возвратилось в Европу после выхода в отставку, что свидетельствовало о сохранении ими своей культурной идентичности. Это не всегда было актуально для сыновей эмигрантов, многие из которых, напротив, остались в Османской империи и в дальнейшем построили успешную карьеру военных или государственных деятелей.

Библиография / References

Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность (сост. князь Щербатов). Т. 6 (1848–1849 гг.). СПб., 1899.

Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов / пер. Богдановича и Лебедева. СПб., 1850.

Под стягом России. Сб. архивных документов / сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кistereва. М., 1992.

Шлыков П.В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s2079878400104368-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (дата обращения: 12.07.2024). DOI: 10.18254/S2079878400104368

General-fel'dmarshal knjaz' Paskevich, ego zhizn' i dejatel'nost' [General-Field Marshal Prince Paskevich, his life and work] (sost. knjaz' Shherbatov). T. 6 (1848–1849). Sankt-Peterburg, 1899. (In Russ.)

Ocherk Vengerskoj vojny 1848–1849 godov [An essay on the Hungarian War of 1848–1849] / per. Bogdanovicha i Lebedeva. Sankt-Peterburg, 1850. (In Russ.)

Pod stjagom Rossii: Sbornik arhivnyh dokumentov [Under the banner of Russia. Collection of archival documents] / sost., primech. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimovoj, O.A. Glushkovej, S.N. Kistereva. Moskva, 1992. (In Russ.)

Shlykov P.V. Istoricheskaja politika v sovremennoj Turcii [Historical politics in modern Turkey] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s2079878400104368-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (access date: 12.07.2024). DOI: 10.18254/S2079878400104368 (In Russ.)

Adrović A. Mustafa Dželalettin Paša // MATICA Časopis Matice crnogorske. 2018. № 73. S. 115–144.

Alloul H. "Me among the Turks?": Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2020. № 27 (1–2). P. 88–110.

Bayraktar B. Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2019. № XIX (39). S. 759–778.

Çavdar N., Budak B. Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzecki) (1826–1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. 2022. T. VIII (35). S. 375–396.

Celâleddin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / francıadan çeviri ve açıklamalar G. Beker. İstanbul, 2014.

Chudzikowska J. Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach. 1980. № 11. S. 211–232.

Chudzio H. Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // Studia z historii społeczno-gospodarczej. 2011. T. 9. S. 153–172.

⁷¹ *Alloul H.* Op. cit. P. 95.

- Çoban A.H.* Ahmet Cevat Paşa'nın Târih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbî') adlı Eserinin Transkripsiyonlu Metni (Yüksek Lisans Tezi). Afyonkarahisar, 2009.
- Dopierała K.* Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // *Studia Historyczne*. 1997. № 5. S. 51–61.
- Engelhardt É.* La Turquie et le Tanzimat. Paris, 1882.
- Esad M.* Mirât-i Mekteb-i Harbiyye. İstanbul, 1310 (1893).
- Esad M.* Üss-ü Zafer. İstanbul, 1293 (1876).
- Gölen Z.* Jozef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // Türkiye-Polonya ilişkilerinde "temas alanları" 1414–2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı. 2017. T. VIII (20). S. 155–180.
- Gümüş M.* Mehmed Sadık Paşa (Michał Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvari alayı // *Turkish Studies*. 2010. Vol. 5 (3). S. 1362–1375.
- Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku*. T. VII / pod red. J. Piłatowicza. Warszawa, 2001.
- Kaim A.A.* Konstanty Borzęcki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // *Studia Migracyjne Przegląd Polonijny*. 2020. № 2 (176). S. 281–306.
- Karbownik K.* Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853–1856 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2012. № 13 (64). S. 215–233.
- Kołodziejczyk D.* Whose Nation? Mustafa Djelaleddin between Ottomanism and Turkism // *The Crimean War, 1853–1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals* / ed. J. Borejsza. Warszawa, 2007. P. 115–128.
- Levy A.* The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // *International Journal of Middle East Studies*. 1971. Vol. 2. № 1. P. 21–39.
- Ortaylı İ.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul, 2008.
- Rawita-Gawroński F.* Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // *Życiorysy sławnych polaków*. № 14. Petersburg, 1901.
- Refik A.* Türkiye'de mülteciler meselesi. İstanbul, 1926.
- Şevket M.* Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. İstanbul, 1325 (1909).
- Skatuba P.* Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysokiego w latach 1853–1855 // *Bezpieczeństwo*. 2010. № 3–4. S. 211–218.
- Tunalı A.C.* Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839–1876): Doktora tezi. Ankara, 2003.
- Urbanik A.A., Baylen J.O.* Polish exiles and the Turkish Empire, 1830–1876 // *The Polish Review*. 1981. Vol. 26 (3). P. 43–53.
- Uyar M., Erickson E.J.* A Military History of the Ottomans. Santa-Barbara, 2009.
- Zlatanov A.* Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. T. LIII (2). S. 111–130.